

Жизнь великих композиторов

О.И. Аверьянова

Сергей Васильевич

РАХМАНИНОВ

МУЗЫКА

УДК 78.071.1
ББК 85.313(2)
А19

Аверьянова, О. И.

А19 Сергей Васильевич Рахманинов / О.И. Аверьянова. — М. : Музыка, ГАММА-ПРЕСС. — 280 с. : ил. (Жизнь великих композиторов).

ISBN 978-5-7140-1478-9 (Музыка)

ISBN 978-5-9612-0097-3 (ГАММА-ПРЕСС)

Книга посвящена жизни и творчеству одного из самых великих композиторов конца XIX — первой половины XX века. Сергей Васильевич Рахманинов предстает в трех ипостасях своего уникального дарования — как композитор, пианист и дирижер. В увлекательном повествовании предстает окружение художника, его встречи, поездки, музыкальная жизнь России и многих других стран. Достоинством книги являются многочисленные документальные материалы: письма, воспоминания, интервью. Обилие иллюстраций помогает представить воочию облик художника, его родных, друзей и тех мест, с которыми была связана его жизнь.

Книга адресована широкому кругу любителей музыки.

ББК 85.313(2)

ISBN 978-5-7140-1478-9

ISBN 978-5-9612-0097-3

© Издательство «Музыка», 2023

© Издательство «ГАММА-ПРЕСС», 2023

«РУКИ, КОТОРЫЕ СТОЯТ МИЛЛИОН»

Рахманинов был создан из стали и золота;
Сталь в его руках; золото — в сердце.

И. Гофман

Двадцать шестого ноября 1933 года рано утром поезд прибыл в Миннеаполис, город штата Миннесота, расположенного на севере США. Здесь следующим вечером у Рахманинова должен состояться очередной клавирабенд — сольный концерт с большой и разнообразной программой и, разумеется, с большим количеством «бисов». Условия жизни концертирующего музыканта суровы. Переезды из города в город с концертными выступлениями происходят почти ежедневно, а иногда, как было в этом месяце, и каждый день. С 9 по 24 ноября Рахманинов дал уже восемь клавирабендов и все — в разных городах Америки при переполненных залах, куда слушатели приезжали чуть ли не за 200 миль на машинах и автобусах. Впереди же в этом сезоне предстоит выступить еще в двадцати четырех концертах, причем не только в Штатах, но и в Европе. Последние годы количество сольных выступлений Рахманинов безуспешно стремится по возможности сократить: «Я много работаю, мои руки так устали!» — жалуется он в письме своему другу. Но нет отбоя от предложений импресарио. А тут еще репортеры осаждают со всех сторон. Рахманинов особенно старается избегать фотографов. Вот и сейчас, в Миннеаполисе, они уже собрались на перроне, ждут появления знаменитого музыканта. На этот раз тщетно. Чета Рахманиновых, сговорившись с менеджером, долго не покидает вагон, а затем окольными путями пробирается к ожидающему такси, благополучно прибывает в отель и удачно проскакивает в холле мимо очередного фотографа в лифт. Однако, рассказывала жена Рахманинова Наталья Александровна, «когда мы, умывшись, сошли в ресторан и заказали кофе, надеясь спокойно его выпить, к столу подошел фотограф и навел на Сергея Васильевича свою камеру. „Оставьте меня в покое, я не хочу сниматься“, — сказал Сергей Васильевич, но слова эти нисколько не подействовали на фотографа, и он спокойно продолжал свои приготовления для

снимка. В последнюю минуту Сергей Васильевич успел закрыть лицо обеими руками и был снят в таком виде. Через три часа, купив местную газету, мы увидели фотографию с надписью: „*Руки, которые стоят миллион*“. Находчивость фотографа сильно рассмешила Сергея Васильевича».

Вспоминая эту забавную историю, Рахманинов задумался.

Находчивость фотографа достойна уважения. Каждый вынужден искать и находить способы честным трудом зарабатывать на жизнь. *Noblesse oblige* — положение обязывает. Что же касается пресловутого «миллиона», то эта цифра часто появляется в рецензиях на мои выступления после того, как пятнадцать лет тому назад, 27 апреля 1919 в Нью-Йоркской Метрополитен-опера состоялся концерт в пользу займа победы. На этом концерте «проданная на бис» с аукциона моя Прелюдия до-диез минор «ушла» за миллион долларов. Все газеты много тогда писали об этом. Помню, какой ужас охватил меня, когда номер «на бис» выступавшего передо мной знаменитого скрипача Яши Хейфеца получил несколько сот тысяч долларов. Я был уверен, что за мою Прелюдию аукционер не наберет столько денег. Но менеджер только посмеивался. Он-то знал, какой невероятной популярностью пользуется эта пьеса. Она звучала во всех концертных залах, в кафе, на приемах, во время занятий на фортепиано одиноких стареющих дам. Популярность ее была прямо-таки маниакальной. Меня еще в первый приезд в Америку известили, что в США каждый музыкант знает меня как автора Прелюдии *cis-moll*. Так что мои опасения относительно успеха пьесы на аукционе, к счастью, не оправдались. Аукционер довел сумму до миллиона долларов, который заплатила фирма механических фортепиано «Amrico».

Мне всегда казалось странным, что именно эта маленькая фортепианная пьеса сделала меня известным во многих странах. Ей я был обязан приглашением на первые зарубежные гастроли в Англию в 1899 году в качестве пианиста и дирижера. Я был тогда очень удивлен, узнав, что Прелюдия — сочинение, ставшее для меня к этому времени уже пройденным этапом, далеким воспоминанием о юности, производит фурор в Англии. Благодаря ей все — и оркестр, и публика, и пресса — принимали меня тогда с царскими почестями, а успех моего выступления в концерте стал поистине «сумасшедшим». История повторилась двадцать три года спустя, когда я давал два концерта в том же переполненном до отказа

лондонском зале Queen's Hall. Тогда некоторые критики сетовали, что такие знаменитые пианисты, как Иосиф Гофман, Ферруччо Бузони не собирают столько народу в зале, а всё потому, что не сочинили прелюдию до-диез минор, популярность которой неизмеримо за эти годы возросла.

Меня часто спрашивают относительно создания Прелюдии, о том, что я представлял себе, сочиняя эту музыку. Она появилась внезапно. Помню, как в один прекрасный день (мне было тогда восемнадцать лет) Прелюдия просто пришла сама собой, и я ее записал. Она явилась с такой силой, что я не мог от нее отделаться, несмотря на все мои усилия. Это должно было случиться и случилось. Я также помню, что получил за нее от издателя всего сорок рублей — около двадцати долларов.

Что я представлял себе, сочиняя эту музыку? В свое время я попытался рассказать об этом в статье «Моя Прелюдия cis-moll», опубликованной в 1910 году в Нью-Йорке во время первых гастролей в США. Вообще-то любая прелюдия по своей природе — это абсолютная музыка, ее нельзя ограничивать рамками какой-либо программы, приписывать ей звукоподражательность и другие всевозможные значения. Абсолютная музыка может просто навести на мысль или вызвать у слушателя настроение, доставить интеллектуальное удовольствие красотой, художественным совершенством.

В своей Прелюдии я старался приковать внимание к начальной теме. Это три ноты в виде октавного унисона, звучащего торжественно и угрожающе, которые затем проходят на протяжении 12-ти тактов. Сущность темы — массивный фундамент; в противовес ему звучит контрастная мелодия в аккордовых последованиях; ее функция — рассеять мрак. Цель развития этих двух противоборствующих элементов — завладеть вниманием слушателя, взволновать его, возбудить, — достигается, если пианист тщательно изучил и воспроизвел структуру сочинения.

Помнится, в своей статье я дал подробные технические указания, адресованные ученикам, работающим над этой пьесой. А вообще-то, надеюсь, что, помимо сочиненной мною Прелюдии cis-moll, у меня есть и другие веские причины претендовать на мое положение в музыкальном мире.

«...Руки, которые стоят миллион...» С каким интересом одна знакомая дама, взяв мою руку, подобно хиромантке, стала усердно ее разглядывать! «Меня удивило ощущение легкости руки и какой-то неожиданной ее мягкости, — сказала она. — Как бы

бескостная гибкость пальцев прямо изумительна!» По ее словам, не так поражало мощное *fortissimo* (сильный удар ей казался естественным при наличии таких больших рук с длинными пальцами), как воздушная легкость *pianissimo*. Ей хотелось разгадать фокус этого явления.

Мои руки... Горжусь тем, что они способны подчиняться моей исполнительской воле, творить музыку, которая покоряет слушателей. Гонорары у меня высокие, прямо скажем, баснословные, успех выступлений фантастический, возрастающий от концерта к концерту. Количество их огромно, и это, кстати, дает возможность помогать многим терпящим бедствие соотечественникам — и тем, кто остался в России, и оказавшимся, подобно мне, в эмиграции. Со мной играют мировые знаменитости: Яша Хейфец, Пабло Казальс, моими концертами дирижируют Леопольд Стоковский, Артуро Тосканини, Юджин Орманди, Бруно Вальтер, Димитриос Митропулос. Трижды по приглашению Президента Соединенных Штатов я играл в Вашингтоне, в Белом доме. Все говорят, что мое пианистическое совершенство достигло апогея. Критики пишут о мощи моей творческой индивидуальности, оказывающей на публику магическое воздействие, о том, что я даю ей возможность представить «величие музыки в великом исполнении». К счастью, желания публики совпадают с моими собственными, люди хотят услышать то, что мне действительно хочется играть, — шедевры классической музыки. В течение одиннадцати лет концертирования в Америке, отделенных от моего первого визита десятилетним перерывом, я имел вполне основательную возможность убедиться в огромном прогрессе, который сделала американская публика, в силе музыкального проникновения и музыкальных вкусах. Думаю, колоссальный успех моей интерпретации «Аппассионаты» Бетховена, Сонаты си-бемоль минор Шопена, «Карнавала» Шумана объясняется не только тем, что эти произведения принадлежат к золотому веку музыкальной литературы, но и тем, что публика это *осознаёт*. Художественная требовательность выросла до неузнаваемости, и ей, кстати, вполне соответствует исполнительский уровень музыкантов. Настоящее наслаждение я испытываю от звучания оркестров Нью-Йорка, Бостона и Филадельфии, которые, по правде говоря, в основном состоят из европейских музыкантов; с особым удовольствием работаю со Стоковским. Когда я играю концерты с оркестром, которым он дирижирует, у нас возникает поразительное единодушие, гибкость и взаимоотдача.

Концерты — моя единственная радость. Если я чувствую какую-нибудь боль, она прекращается, когда играю. Если я не буду работать, я зачахну. Отнимите у меня концерты, и тогда мне придет конец. Нет... лучше умереть на эстраде. Я хочу играть все, что знаю!

Рахманинов знает огромное количество музыки. Его пианистический репертуар — это около четырехсот (!) произведений более пятидесяти композиторов XVIII–XX веков. Он ведет жизнь концертирующего артиста, разъезжает по городам Америки, Канады, европейских стран, работает со звукозаписывающими фирмами. Но это отнимает у Рахманинова много времени, сил и не дает сосредоточиться на композиторской работе.

В первые годы жизни в Америке мне постоянно задавали вопросы: «Неужели возможно, чтобы за это время вы не написали ни одной строчки?» «Почему же, я написал каденцию ко второй рапсодии Листа», — с иронией отвечал я. Правда, спустя некоторое время, я закончил ранее начатый Четвертый концерт и написал еще два больших произведения — Три русские песни для оркестра и хора, Вариации на тему Корелли для фортепиано. Но этого мало, очень мало! Неужели прав был мой учитель Николай Сергеевич Зверев, когда говорил, что мое будущее — это блестящая карьера пианиста, но не композитора? Но ведь я уже тогда понял, что сочинять музыку для меня такая же насущная потребность, как дышать и есть: это одна из необходимых функций жизни. Постоянное желание писать музыку — это существующая внутри меня жажда выразить свои чувства при помощи звуков, подобно тому, как я говорю, чтобы выразить свои мысли. А вообще, музыка — это выражение индивидуальности композитора во *всей* ее полноте, и мое творчество невозможно отделить от концертных выступлений, внутреннее единство их очень велико. В прошлом ведь мне довольно успешно удавалось совмещать и то, и другое, хотя были периоды, когда я или только играл, или только сочинял. Тем не менее, музыки было создано немало: три оперы, симфонические и хоровые произведения, фортепианные концерты, многочисленные пьесы для фортепиано, романсы. Теперь же о сочинениях думать не приходится. Работа над ними не может осуществляться в постоянной суете. Она требует сосредоточенности.

Есть и другая, серьезная причина, почему я редко пишу. Я чувствую, что музыка, которую мне хотелось бы сочинять, сегодня неприемлема. Апологеты музыкального авангарда называют мое творчество слишком традиционным, стоящим в стороне от новейших музыкальных течений. Они считают меня последним представителем ушедшей эпохи, а кое-кто даже упрекает в том, что мои произведения «слишком общительны и страшно искренни»! Я же не могу писать по заранее составленным формулам или теориям и никогда не взялся бы писать в современном стиле, который полностью расходился бы с законами тональности или гармонии. Я не способен отвергнуть своих прежних музыкальных богов и тут же преклонить колена перед новыми и считаю, что музыка должна идти от сердца, а главная основа всей музыки — мелодия. Мелодическая изобретательность в высшем смысле этого слова — главная цель композитора. Но эта цель не может быть достигнута рационалистично, и я никогда не буду писать в стиле модерн только потому, что этот стиль нынче в моде. Я не делаю сознательных усилий во что бы то ни стало быть оригинальным или романтиком, или национальным, или еще каким-то. Записываю на бумагу музыку, которую слышу внутри себя, и записываю ее как можно естественнее. А вообще, после России мне как-то не сочиняется... Воздух здесь другой, что ли... Мне пришлось покинуть страну, где я родился, где я боролся и перенес все огорчения юности и где я, наконец, добился успеха. Уехав из России, я потерял желание сочинять. Лишившись родины, я потерял самого себя. У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций, родной почвы, не остается желаний творить, не остается иных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетревожимых воспоминаний...

Горькая усмешка промелькнула на губах Рахманинова. Казалось бы, в его жизни все сложилось успешно. Он знаменит и богат. У него большая дружная семья — жена, дочери, внуки. В 1934 году закончено строительство роскошного дома в Швейцарии на берегу Фирвальдштетского озера, в имении, названном «Сенар» по первым слогам имен Сергей, Наталья и начальной буквы их фамилии. На берегу выстроена пристань для большой моторной лодки, на которой так увлекательно состязаться в скорости с парходами. Для поездок в соседние города приобретен автомобиль последней модели, который Рахманинов любовно именует

«Линочкой». А главное, в гостиной стоит «чудный рояль „Стейнвей“», подаренный фирмой в день свадьбы дочери Ирины.

Вокруг дома посажен прекрасный сад с тысячью разновидностей роз и многих других цветов, кустарников и деревьев. Но самые любимые деревья растут около дома — три березы. Слабенькие, плохо приживаясь в чужом климате, они являются предметом постоянных волнений и неусыпных забот Рахманинова («А березке надо ведра два воды дать, сохнет!»). Жена Наталья Александровна в связи с этим часто дразнит Сергея Васильевича, говоря, что он собирается усадьбу «Сенар» превратить в их бывшее русское имение Ивановку. Для него же эти три березки — символ навсегда утраченной горячо любимой родины. Так же как и Ивановка. О ней каждый раз семья вспоминает во время дневного чаепития с булочками, куличами, спелой малиной из швейцарского сада, которая была в Ивановке такой сладкой и вкусной!

Вечереет. Рахманинов расположился в кресле просторной, уютной комнаты-студии напротив громадного открытого окна, из которого видна лестница, спускающаяся прямо в озеро. На его поверхности отражаются лучи заходящего солнца, из сада доносятся ароматы цветущих кустарников. Как хорошо приезжать весной в этот чудесный «Сенар»! Утомительный концертный сезон с его бесконечными переездами и суетой завершился. Кругом царит непривычная тишина, невольно настраивающая на воспоминания. Они возникают в последнее время все чаще. Может быть, потому что их неоднократно приходилось оживлять в памяти по настоятельной просьбе Оскара фон Риземана (1880–1934), русского немца, музыкального критика, дирижера и композитора, с которым Рахманинов встречался еще в дореволюционной России, нередко играл ему, первому, свои новые сочинения, вместе с ним участвовал в различных музыкальных акциях. Встречи продолжились за рубежом и стали особенно частыми, когда Риземан получил от Рахманинова разрешение написать о нем биографическую книгу. Многое к тому времени уже забылось, и если бы не помощь друзей и, особенно, свояченицы (сестры жены) Софьи Александровны Сатиной, вряд ли бы

удалось так подробно воссоздать биографию «еще здравствующего», по словам Сатиной, музыканта. И вот теперь книга издана на английском языке в Лондоне под названием «Rachmaninoff's Recollections told Oskar von Rieseman». Рахманинов неспешно перелистывает ее страницы и невольно предается воспоминаниям о прожитом времени. Сквозь живописный пейзаж усадьбы «Сенар» начинают проступать контуры другой, русской, усадьбы, оживают картины иной природы. Перед мысленным взором проходит вся его сложная, но такая яркая и богатая событиями жизнь.

ДЕТСТВО. «ОНЕГ»

И у меня был край родной;
Прекрасен он!
Там ель качалась надо мной...
А. Плещеев (из Гейне)

«...Родился 20 марта, крещен 2 апреля, имя Сергей...» Эта запись в метрической книге Дегтярёвской церкви Старорусского уезда Новгородской губернии за апрель 1873 года сообщает о рождении в усадьбе Семёново будущего великого русского музыканта, композитора, пианиста, дирижера, Сергея Васильевича Рахманинова. Усадьба принадлежала матери, Любови Петровне, как, впрочем, и несколько других усадеб, среди которых было имение «Онег», куда семья переехала в начале 1877 года. Здесь прошли ранние и самые счастливые, по словам Рахманинова, годы его детства. Имение находилось в тридцати верстах от Новгорода, на левом берегу реки Волхов, той самой, в которую, как повествует новгородская былина, превратилась дочь Морского царя Волхова, возлюбленная певца-гусяря Садко. Река, протекавшая по живописной псковской равнине, впадала в Ильмень-озеро, столь поэтично воспетое в опере Римского-Корсакова. В имении, занимавшем пять гектаров, располагался просторный дом со службами в окружении парка и фруктового сада, танцевальная площадка, обсаженная липами, три пруда с карасями. Вся эта территория была обнесена живым забором из растущих ёлок, таким плотным, что пролезть сквозь него было невозмож-

Местность под Новгородом, где располагалось имение «Онег»

но. Перед домом росла любимица Серёжи Рахманинова громадная ель. А кругом, «разметнувшись на полсвета», простирались бескрайние поля и перелески — такой простор для чуткого, впечатлительного мальчика! Пройдет время, и звуковая перспектива рахманиновских мелодий-далей воссоздаст этот пейзаж, «подслушанный чуткой душой музыканта» (Б.В. Асафьев).

Семья Рахманиновых принадлежала к старинному дворянскому роду, который ведет свое начало от молдавских господарей Драгошей, правивших Молдавией в XIV–XVI веках. Предком Рахманиновых был Стефан IV (Великий Драгош), господарь Молдавии с 1458 по 1504 год. Прозвище его внука Василия — Рахманин, который жил в Угличе со своим отцом и братом, пере-

шло на фамилию рода. В обиходе русской жизни оно означало «веселый, говорливый, хлебосольный, щедрый». Многочисленные потомки Василия, возведенные в боярское сословие, служили при русских царях, зарабатывали офицерские чины в военных походах, были жалованы богатыми поместьями. Прапрадед композитора Герасим Иевлевич, участвовавший в возведении на престол Елизаветы Петровны, получил грамоту от 25 ноября 1751 года, которая утверждала в знак «особливой нашей императорской милости» герб рода Рахманиновых. Императрица также даровала ему значительную сумму на приобретение имения Знаменское на Тамбовщине.

Наследственной профессией Рахманиновых являлась военная служба. Она же была уготована Сергею Васильевичу, если бы не вмешалась в его жизнь судьба. Но об этом позже.

У прадеда будущего композитора, Александра Герасимовича Рахманинова (1781–1812) усердное служение царю и отечеству сочеталось с большой любовью к музыке. Он, судя по отзывам современников, прекрасно играл на скрипке, устраивал домашние музыкальные вечера и передал потомкам свои способности к музыке. Его сын Аркадий Александрович, богатый землевладелец (1808–1880), крестник императора Александра I, получил известность как «виртуоз на фортепианах». В молодости он брал уроки у известного пианиста и педагога Джона Филда, переписывался с Антоном Григорьевичем Рубинштейном, музицировал в салонах Москвы, Петербурга, Тамбова, сочинял фортепианные пьесы, романсы, собирал народные песни. Однако оставался музыкантом-любителем. «Для достойного человека музыка никогда не может быть профессией, но лишь удовольствием», — считали в XIX веке представители дворянского сословия. С Аркадием Александровичем Серёже Рахманинову довелось встретиться в четырехлетнем возрасте. Он вспоминал об этом как об очень важном для него событии.

Помню, что едва я начал заниматься музыкой, дедушка с отцовской стороны выразил желание навестить нас. Мама рассказала мне, что он большой музыкант, удивительный пианист и, может быть, захочет меня послушать.<...> Прежде всего мама посадила

Василий Аркадьевич Рахманинов —
отец композитора

меня рядом с собой и занялась моими руками, подстригла и привела в порядок ногти — словом, сделала все, что положено, объяснив, что для игры на фортепиано необходимо ухаживать за руками. Этот поступок произвел на меня глубокое впечатление. <...>

Приехал дедушка, меня посадили за рояль, и, пока я играл ему простенькие, из пяти или шести нот, мелодии, он аккомпанировал мне, причем его аккомпанемент показался мне тогда красивым и невероятно трудным. Скорее всего, это было нечто вроде пьес на тему «Собачьего вальса» или «Татитати» — шуточных вариаций, сочиненных композиторами

«Могучей кучки», среди которых были Бородин, Кюи и Римский-Корсаков. Дедушка похвалил меня, и я очень обрадовался. Это был единственный раз, когда я виделся с дедушкой и играл с ним в четыре руки...

Одаренным музыкантом был отец Серёжи Василий Аркадьевич (1841–1916). Блестящий офицер, рано вышедший в отставку, обаятельный «законодатель мод», он вел рассеянный образ жизни, увлекался всевозможными деловыми проектами, которые неизменно завершались провалом, и крайне легкомысленно растрачивал свой музыкальный дар. «Он часами играл на фортепиано, но не пьесы известные, а бог знает что, но слушал бы его без конца», — говорила одна из его сестер. Василий Аркадьевич был человеком веселым, добрым и отзывчивым. Любил возиться с детьми, всячески баловал их. Малыши его обожали. Когда родители расстались, для Серёжи (ему было тогда девять лет), горячо любившего отца, это явилось таким тяжелым ударом, с которым он не смог справиться до конца дней.

Любовь Петровна Рахманинова —
мать композитора

Однако музыкальным воспитанием одаренного мальчика занимался не услаждавший «изумительным звуком» светское общество отец, а мать, Любовь Петровна (1849–1929), дочь генерала Петра Ивановича Бутакова (1810–1877), директора Аракчеевского военного училища в Новгороде, и Софьи Андреевны Бутаковой (1823–1904), любимой Серёжиной бабушки. У нее были очень большие способности к музыке. Она пела, успешно училась фортепианной игре в Петербургской консерватории у Антона Рубинштейна, но, выйдя

замуж, посвятила себя семье. Любовь Петровна рано обнаружила одаренность младшего сына и с четырехлетнего возраста начала систематически заниматься с ним игрой на фортепиано. Детей, а их к этому времени в семье было уже четверо, мать воспитывала чрезвычайно строго, приучала их к тому, что «для всего есть свое время». Игра на фортепиано чередовалась с уроками, прогулками, чтением по четкому расписанию, которое нарушалось лишь в чрезвычайных ситуациях. Серёжа относился к подобному регламенту напряженно, с внутренним сопротивлением. Осознание справедливости такого воспитания пришло позже.

В те далекие времена я не мог понять этого и терпеть не мог принуждения. Между прочим, с тех пор я усвоил эти правила, и теперь твердо придерживаюсь принятого мною дневного распорядка, причем нахожу такую привычку все более и более ценной.

Возможно, главной причиной неприятия столь строгого режима было то, что обязательные занятия мешали музыке, которая с ранних лет оказывала на мальчика влияние сильное и глубокое. Рахманинов, правда, говорил впоследствии, что не помнит,

Серёжа Рахманинов в начале 1880-х годов

какое впечатление производила на него музыка в раннем детстве. Но, по словам матери, он очень любил притаиться где-нибудь в углу и слушать игру на рояле. А горничная Рахманиновых рассказывала, что «молодой барин Сергей Васильевич, совсем маленький, часами сидел за фортепиано и отвлекался от музыки только тогда, когда ему это приказывали родители».

Странно, но все мои детские воспоминания, хорошие и плохие, печальные и счастливые, так или иначе связаны с музыкой. Первые наказания, первые награды, которые радовали мою детскую душу, имели непосредственное отношение к музыке.<...> Уже в четыре года меня просили поиграть гостям. Если я играл хорошо, то получал щедрое вознаграждение: из соседней комнаты «публика» бросала мне разные приятные вещи — конфеты, бумажные рубли и прочее. Я был в восторге.

В наказание же за скверное поведение меня сажали под рояль. Других детей в таких случаях ставят в угол. Сидеть под роялем было в высшей степени позорно и унижительно.

Музыкальная одаренность Серёжи казалась столь очевидной, что мать решила пригласить к нему для серьезных занятий на рояле свою знакомую, ученицу Петербургской консерватории Анну Дмитриевну Орнатскую, уроки с которой продолжались в течение двух-трех лет. Будущее мальчика виделось все более отчетливо. Мать часто задумывалась о дальнейшем обучении сына в Петербургской консерватории, в чем ее горячо поддерживала Орнатская. Однако этому решительно воспротивился отец.

В своих спорах родители часто касались одной и той же темы: будущего старшего брата и моего. <...> Отец желал дать нам образование в одном из самых известных и привилегированных военных учебных заведений для гвардейских офицеров — Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге. <...> Мать же в свою очередь настаивала на моем обучении в Санкт-Петербургской консерватории. <...> Достойная Анна Орнатская со всем пылом поддерживала мать. Долгое время отец оставался неумолим.<...> Мысль, что сын может стать музыкантом, была невыносима для него, так как потому что знатного дворянина совершенно не подобало заниматься такой «пролетарской» профессией.

Но иногда судьба оказывается сильнее всех предрассудков, и на сей раз именно судьба разрешила спор моих родителей.

Любовь Петровна
Рахманинова и
Анна Дмитриевна
Орнатская

Судьба вмешалась вовремя, хотя ее вмешательство в жизнь семьи оказалось весьма жестоким. Василий Аркадьевич, человек непрактичный и легкомысленный, которого интересовали не хозяйские заботы, а только лошади и развлечения, промотал и проиграл в карты одно за другим все «великолепные», по словам Сергея Рахманинова, поместья, принадлежавшие матери. Разорив семью, он вынужден был подчиниться неизбежности и, оставив мечту о военном поприще сына, смириться с его будущей, столь унижительной, по его мнению, профессией музыканта.

1880 год. В «Новгородских губернских ведомостях» одно за другим появляются объявления о продаже имений.

3 мая 1880 года: *«Назначено к продаже имение Семёново, жены титулярного советника Любови Петровны Рахманиновой. <...> Имение оценено в 8 тысяч рублей».*

«31 мая 1880 года в 10 часов, при Новгородском окружном суде будет продаваться недвижимое имение, принадлежащее

жене гвардии штаб-ротмистра Любовь Петровне Рахманиновой за иск по закладной <...>состоящее: Новгородского уезда усадьба под названием Онег с принадлежащими к ней землями <...> с господским домом и всеми постройками. Имение оценено в 13500 рублей».

«Онег» был последним поместьем из шести имений Любви Петровны, проданным за долги. Осенью 1882 года его приобрел у Рахманиновых граф Николай Валерьянович Муравьев.

В день, когда Рахманиновы навсегда покидали «Онег», спилили любимицу Серёжи громадную ель. Беззаботное детство кончилось. Семья переезжала в Петербург.

ГОДЫ УЧЕНИЯ

Благоприятные условия? Их для художника нет. Жизнь сама — неблагоприятные условия. Всякое творчество — перебарывание, перемалывание, переламывание жизни...

М. Цветаева

Г. Директору С.Петербургской консерватории Императорского Русского Музыкального Общества.

Отставного Гвардии Штаб-ротмистра Василия Рахманинова

ПРОШЕНИЕ

Желая определить в С.Петербургскую консерваторию сына моего Сергея, родившегося в 1873 году, 20 марта, для специального изучения, на фортепиано, и вместе с тем научных предметов, покорнейше прошу принять его в число сверхкомплектных учеников Консерватории, при чем принимаю на себя ручательство в исполнении, со стороны моего сына, всех правил, установленных для учащихся в Консерватории.

При сем представляем метрическое свидетельство.

Василий Рахманинов. 23 июля 1882 года

*Записать бесплатно
учеником в кл.5
Демянского с платою
за научные классы по 50 р.
16 сен. 82 г.*

...Музыка прежде всего должна быть любима; должна идти от сердца и быть обращена к сердцу. Иначе музыку надо лишить надежды быть вечным и нетленным искусством.

Сергей Рахманинов

Рахманинов является для меня недостижимым идеалом. Он является для меня идеалом во всех отношениях: и в его трех абсолютно равных, я считаю, гранях творчества, в его эстетическом кредо и в его человеческом облике, в его жизненных принципах, в его отношениях к людям. Люблю его и как человека, и как музыканта. Мне дорог весь его творческий облик, *Рахманинов нигде никогда не сфальшивил в искусстве.*

Евгений Светланов

СОДЕРЖАНИЕ

«Руки, которые стоят миллион»	3
Детство. «Онег»	10
Годы учения	18
«Алеко»	71
Начало самостоятельного пути	81
Первая симфония	89
Рахманинов — дирижер в Московской частной опере С.И. Мамонтова	99
Рахманинов и Шаляпин	114
На пути к творческому ренессансу	126
Второй фортепианный концерт	145
Композитор, пианист, дирижер	149
Рахманинов — дирижер в Большом театре	160
Дрезденские творческие «каникулы»	176
Рахманинов и Зилоти	193
Последние годы на родине	210
На чужбине	221

Научно-популярное издание
Серия «Жизнь великих композиторов»
Аверьянова Ольга Ивановна
СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ РАХМАНИНОВ

Редактор *К. Кондахчан*
Худож. редактор *А. Рязанцев*
Корректор *И. Щеглова*
Вёрстка *И. Власова*

Формат 60х90/16. Объём 17,5 печ. л.
Изд. № 17889 (АО «Издательство «Музыка»)
Изд. № 0067 (ООО «ГАММА-ПРЕСС»)

АО «Издательство «Музыка», 123001, Москва, ул. Б. Садовая, д. 2/46, стр. 1
Тел.: +7 (499) 254-65-98, +7 (499) 503-77-37
www.musica.ru

ООО «ГАММА-ПРЕСС»
123056, Москва, ул. Красина, д. 27, стр. 2
Тел.: +7 (495) 609-07-93
www.gamma-press.ru